

---

---

## СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ КОНСТИТУЦИОНАЛИЗМА\*

**М.В. Федоров**

Кафедра теории и истории государства и права  
Российский университет дружбы народов  
ул. Миклухо-Маклая, 6, Москва, Россия, 117198

Статья посвящена проблемам применения в исследованиях конституционализма сравнительно-правового метода, анализу вопросов сближения правовых систем и современных методов правовой аккультурации.

**Ключевые слова:** конституционализм, правовые заимствования, правовые системы и семьи, правовая аккультурация, интеграция, глобализм.

Сравнительно-правовые исследования в настоящий период являются одним из важнейших направлений научных работ, важность и значение которых возрастает с каждым годом. Еще Р. Давид подчеркивал плодотворность и значимость сравнительного правоведения «для изучения истории права и его философского осмысления» [4].

Особенно заметным и плодотворным применение компаративистского подхода проявляется в исследованиях генезиса, эволюции и современного этапа развития конституционализма, особенно когда не упускается из виду культурно-исторический аспект. Это дает возможность рассматривать право в сравнительно-правовых исследованиях как явление (аспект, контекст) культуры и, с другой стороны, сам культурно-исторический подход становится в известных ситуациях необходимой составляющей методологии правовых (в первую очередь сравнительных) исследований [11]. И естественным, как отмечается во многих работах, при исследовании современного состояния конституционализма стало внедрение сравнительно-правового метода в силу мощного влияния фактора глобализации, которая, по мнению ее сторонников, рассматривается как завершённый (либо завершающийся) процесс, в результате которого будет сформировано мировое государство и мировое право, а по мнению ее противников, как процесс, который не имеет своего завершения в ближайшем будущем [10].

Кроме того, следует отметить, на наш взгляд, все более активное проникновение в общественные науки, в том числе в науку о государстве и праве, методов глобального эволюционизма, который подается как один из главных «аттракторов» в приращении научного знания и не только черпает достижения

---

\* Статья выполнена в рамках НИР «Сравнительные исследования правовых систем, правовых культур» на период 2013–2015 гг. (тема № 090404-0000).

из других областей исследования, но и является, по мнению адептов этого направления, своего рода концептуальным ядром, частью научной картины мира, синтезирующей знания в соответствующих областях научного поиска [8].

Исследование конституционализма сталкивается также еще с одной проблемой. Если на заре конституционализма заимствования, копирования и воспроизведения конституционных идей и институтов шли от стран, развитых в конституционном плане, имеющих опыт конституционного строительства, к странам, которые только становились на путь конституционного развития или только начинали вести поиск собственной конструкции конституционализма, то этот процесс имел как бы достаточно «прозрачный» характер. Странами — «поставщиками» идей конституционализма стали Англия, Франция, США и некоторые другие европейские державы. Их конституционные идеи и институты и были в основном заимствованы другими странами Европы, Латинской Америки, Азии и Африки, естественно, с определенной долей своего исторического прошлого и национального колорита.

В современный период сравнительно-правовой анализ конституционализма усложняется и осложняется под воздействием многочисленных факторов геополитического, экономического, социально-политического, культурологического, международного характера. На государственно-правовом и политическом ландшафте произошли весьма заметные перемены, существенно модифицировался ход социально и культурно-политических и государственно-правовых процессов. Достаточно быстрыми темпами происходит объединение двух или нескольких государств для достижения своих общезначимых целей. Разрушаются и распадаются федерации. Учреждаются конфедерации и различные международные организации и союзы, заключаются важнейшие международные договоры, непосредственно влияющие или изменяющие внутреннее законодательство, в том числе и конституционное. Создаются меры обеспечения коллективной безопасности.

Уже явно размываются привычные контуры геополитических регионов, меняются конфигурация и содержание международно-политического пространства Европы, Восточной, Центральной, Западной и Южной Азии. Это приводит к созданию совершенно новых по содержанию конституционно-нормативных документов и международно-правовых соглашений.

Учитывая, что современная политико-правовая наука не выработала единой концепции конституционализма и правовой культуры и их связи с процессом демократизации, несомненный интерес вызывают различные варианты подходов к анализу феномена демократии и связанного с ним феномена конституционной, политико-правовой и социокультурной модернизации. Практически полярные оценки дают, например, лауреат Нобелевской премии по экономике А. Сен, считая политико-правовую демократизацию важнейшим событием прошедшего века, и Т. Валленстайн, утверждающий, что демократия превратилась в общепризнанный слоган, лишенный какого-либо содержания.

Американский историк и макросоциолог Чю Тили, предлагая четыре подхода в исследовании феномена демократии, на первое место ставит конститу-

ционный подход, который основывается на рассмотрении действующих законов, регулирующих политическую деятельность при данном режиме, на втором месте стоит сущностный подход, далее — процедурный подход, и, наконец, модернизационный подход [16].

Подходы в исследовании этого феномена сводит к двум — институциональному и сущностному. В зависимости от степени реализации на практике, декларируемых в конституциях принципов, в литературе в настоящее время выделяется огромное количество разновидностей демократии (как образно было подмечено, «демократии с эпитетами») [19].

Боливийский исследователь У.С.Ф. Мансилья подчеркивает, что большинство теоретиков, исследующих взаимосвязь конституционализма, правовой культуры и современной демократии западного образца и рыночной экономики, забыли о главном: какой бы совершенной ни была демократическая модель, основанная на экономическом либерализме, она представляется лишь средством для достижения долгосрочных целей, таких, как благосостояние населения, совершенствование морально-этических принципов и гармонии с природой. Это позволило ввести в оборот термин «догоняющие демократии», в которых, по мнению авторов, политические институты и процессы далеко не всегда развиваются по общим правилам [22].

Тем не менее, большинство исследователей признают, что и в других странах, помимо европейских и США, удалось добиться определенных успехов в формировании демократических институтов, повышении роли законодательной власти, реформировании судебной системы, обеспечении политического плюрализма и т.д.

В то же время нельзя игнорировать тот факт, что особенности политической и правовой культуры могут заметно ослабить или даже свести на нет успехи демократизации и политической модернизации. Так, колумбийский политолог Г. Мурильо Кастаньо считает, что новое законодательство и политические институты Латинской Америки несомненно носят модернизационный характер, однако поведение в повседневной жизни ничем не отличается от предыдущего периода [21].

Сравнительно-правовые исследования, а в нашем случае исследования конституционализма, проводятся, как правило, с использованием двух аспектов компаративистского подхода — синхронного и диахронного [12]. Это вытекает из того, что, как уточняет М.А. Супатаев, «кросс-культурный анализ права исходит из того, что для любой цивилизации в той или иной степени характерны преемственность в праве, наследование того, что выработано исторически в ее рамках (диахронный срез), а также обмен ценностями и заимствования лучших юридических достижений, институтов и норм у других цивилизаций и культур (синхронный срез)» [14].

Рассматривая истоки испанского конституционализма, например, Т.А. Алексеева особо подчеркивает необходимость применения сравнительно-правового метода: «Компаративистский подход при изучении испанского конституционализма уместен и необходим прежде всего в связи с тем, что испан-

ские учредители широко заимствовали зарубежные идейные источники, а также использовали в качестве образцов для создаваемых основных законов юридические акты других стран.

200-летний юбилей Политической конституции Испанской монархии 1812 г. вновь напоминает нам о значимости сравнительно-правового анализа как при исследовании развития испанского конституционализма в целом, так и при анализе отдельных конституций. Он позволяет более глубоко и многосторонне изучить конституцию 1812 г., выявив общее и особенное в ее форме и содержании. Данный анализ также способствует обнаружению и в иных основных законах Испании и конституциях других стран, ставших предметами сопоставления, характеристик, не столь очевидных без проведения формально-логического и функционального сравнения с основным законом, принятом в Кадисе в 1812 г.

Изучение конституции 1812 г. предполагает ее историческое сравнение с национальными и зарубежными источниками права, созданными ранее, а также создает основу для исследования ее последующего влияния не только на развитие конституционализма в Испании, но и на конституционную историю многих стран Европы и Латинской Америки.

Предметы для сравнения в ретроспективе были указаны самой конституантой — генеральными и чрезвычайными кортесами. Они нашли отражение в протоколах ее заседаний, а также в предварительной записке, которая сопровождала проект основного закона, разработанного членами конституционной комиссии. Таковыми являлись: исторические конституции страны, существовавшая, по их мнению, в отдельных пиренейских государствах до установления абсолютизма, неписаная конституция Великобритании, конституция США.

Исследователи могут дополнить этот список французскими конституциями 1791 и 1793 г., а также конституцией, «дарованной» Испании Наполеоном в Байоне в 1808 г.» [1]. Кроме того, как отмечает Т.А. Алексеева, компаративистский анализ Конституции 1812 г. и других указанных памятников и источников права проводился с использованием трех аспектов сравнительного исследования: страноведческого, временного и отраслевого, а также на формальном и на содержательном уровнях. Причем страноведческий подход явился основой для изучения конституции как источника права. для определения ее места в правовой системе страны определенной эпохи и роли в развитии национального конституционализма, а темпоральный аспект сравнительно-правового анализа позволяет выявить в конституции общее и особенное в характеристике, обусловленной временем ее принятия.

На основании такого подхода и современники и последующие исследователи нашли явное сходство многих статей конституции Испании 1812 г. и Французской конституции 1791 г. [28].

Конечно, ничего странного не было в том, что конституция Франции 1891 г. оказала определенное влияние на испанский конституционализм. Как справедливо отметил Н. Кареев, Конституция 1791 г. стала образцом по форме и отчасти по содержанию для всех последующих конституций, принимавшихся в Европе, да и не только в Европе [7].

Так, например, в отечественной правовой литературе отмечается важное значение для развития латиноамериканского конституционализма как исторически сложившихся традиционных юридических форм, так и передовых для того времени буржуазных институтов. Однако при этом не абсолютизируется роль какого-либо одного течения конституционной мысли или конституционных форм одной страны, а все они берутся в совокупности. Это позволяет всесторонне осветить процесс становления латиноамериканского конституционализма, выделить общие черты, характерные для всех государств Латинской Америки, а также особенности конституционного развития отдельных стран.

Говоря о первых конституциях латиноамериканского континента, профессор О.А. Жидков писал: «Несомненное влияние на их разработку оказали широко известные конституции других буржуазных стран — статьи Конфедерации США 1781 г., конституции отдельных штатов и федеральная конституция США 1789 г., конституции Франции конца XVIII в. и конституционные сенатус-консульты Наполеона, а также Кадисская конституция Испании 1812 г. Некоторые заимствования из этих конституций носили чисто механический характер, но ряд институтов претерпел существенную трансформацию в сложных условиях социальной и политической жизни Латинской Америки» [6].

Для правильного понимания генезиса и эволюции конституционализма любого государства или даже региона, по нашему мнению, требуется комплексный подход в исследовании и оценке источников первых конституционных документов, всесторонний анализ их как в совокупности, так и каждого в отдельности.

Так, конституции Латинской Америки, принятые в период становления независимых национальных государств, относятся к конституциям буржуазного типа, поэтому им присущи основные черты, характерные для последних. Неудивительно, что при сравнительном анализе их текстов с конституциями современных им буржуазных стран обнаруживается поразительное во многих случаях сходство некоторых основополагающих принципов и институтов, а зачастую и почти буквальное совпадение содержания статей, разделов и глав.

Формирование латиноамериканского конституционализма шло, главным образом, на основе идейных заимствований из западноевропейских источников и США. Подчиняясь общим закономерностям идеологического развития, латиноамериканский конституционализм вобрал в себя новейшие достижения буржуазной правовой идеологии. И это был вполне естественный процесс.

Для передовых деятелей войны за независимость была ясна необходимость замены абсолютистского режима новым, соответствующим идеям и теориям народного суверенитета, разделения властей, естественным правам человека и т.д. Как подчеркивает Д.М. Пантоха, передовые лидеры пришли к выводу о необходимости завоевания «независимости, самоуправления и о превращении государственного аппарата в свой, чтобы гарантировать осуществление своих основных классовых надежд» [23].

Важнейшим шагом в этом направлении явилась разработка и принятие в латиноамериканских государствах первых конституций и других конституци-

онных документов. Руководители освободительного движения, «отцы» первых конституций разделяли идеологические концепции господствующего в тот период буржуазного юридического мировоззрения и придавали конституции решающую роль в установлении нового государственного строя.

Первые латиноамериканские конституции явились отражением социально-политических, экономических, культурных, исторических и других условий, в которых зарождалась самостоятельная государственность стран Латинской Америки. Кроме того, они восприняли многие передовые для того времени буржуазные политико-правовые идеи и институты. Все это предопределило своеобразие становления латиноамериканского конституционализма.

В юридической литературе Латинской Америки не существует единого мнения относительно генезиса латиноамериканского конституционализма.

Одной из наиболее старых и распространенных является теория, утверждающая, что источником конституционализма Латинской Америки были иностранные правовые идеи и институты, и что латиноамериканские конституции только копировали конституции иностранных государств. Так, колумбийский юрист Л.К. Сачика Апонте категорически утверждает, что в Латинской Америке «теория конституционализма является импортированной» [26]. «Наши конституции, — пишет видный мексиканский юрист Ф. Тена Рамирес, — как общее правило, есть воспроизведение иностранных конституций» [27].

При этом большинство исследователей основную роль отводят французским и североамериканским правовым идеям. Причину такого сильного иностранного влияния на формирование латиноамериканского конституционализма многие авторы видят в естественной реакции колоний против всякого испанского наследия, особенно на первом этапе войны за независимость [26].

Ряд авторов считает, что правовые системы Латинской Америки вообще не имеют национальных исторических корней. По мнению аргентинца О. Магнаско, латиноамериканское «право не имеет истории, потому что оно еще не существует» [20]. Подобные взгляды высказывает в своей книге о конституционной истории Аргентины К.О. Бунхе, заявляя, что «аргентинский народ не создал оригинальных политических и юридических институтов ни до, ни после независимости... Мы больше копируем, чем создаем» [18].

Некоторые исследователи, напротив, отрицают определяющее влияние западноевропейских и североамериканских правовых теорий на становление латиноамериканского конституционализма и ищут его истоки в правовой традиции Испании и самой Латинской Америки.

Например, колумбийский профессор Л. Умпреди в своей работе «Миф энциклопедизма в королевстве Новая Гранада» подчеркивает, что в актах кабильдо и в первых латиноамериканских конституциях нашли свое отражение лишь идеи Суареса и Молина о праве народа на сопротивление тиранической власти, о недействительности «права завоевания» о «принципе возвращения суверенитета к своему источнику» (то есть к народу). Венесуэльский автор П.Р. Парра также считает, что в первых латиноамериканских конституционных документах были закреплены «принципы мудрой примитивной конституции Испании» [24].

Пытаясь показать влияние Испании на всю институционную структуру независимых государств Латинской Америки, аргентинский юрист Х.В. Гонсалес в работе «Историческое происхождение аргентинского представительного правления» отмечает, что «демократические институты являются глубокой испанской традицией, от первой формы представительства через города до политической схемы, в которую организовалось государство в 1813 году» [25].

Еще одна причина настоятельно требовала принятия конституции в новых независимых государствах Латинской Америки. Нужно было также юридически закрепить первые достижения освободительной борьбы. Разработка и принятие конституционных документов становится важнейшей заботой руководителей освободительного движения. Создание конституций рассматривалось ими как гарантия успешного развития новых государств. «Нет революции, государственного переворота, которые не пытаются получить инвеституру законности, которую придает конституция» [23].

Важно отметить, что именно «в сфере государственного (конституционного) права, непосредственно связанного с организацией политической власти, быстрые и весьма радикальные изменения произошли уже в годы войны за независимость, т.к. именно здесь компромисса с испанскими колониальными властями и нормами колониального права найти не удалось (впрочем, тенденции были таковы, что навряд ли мы найдем хотя бы одну из бывших колоний в Испанской Америке, где патриотические силы смогли бы достичь подобного компромисса) [5].

В силу этих причин правовые заимствования стран Латинской Америки различались по сферам правового регулирования. Так, влияние европейских государств, относящихся в большей степени к романо-германской правовой семье, ощущалось преимущественно в сфере гражданского и уголовного права, а в области конституционного строительства доминировали заимствования из государственно-правового опыта США.

Заимствование или юридическая рецепция в области буржуазного правового знания не только объективно возможно, но при определенных исторических условиях есть следствие необходимости. «Использование иностранного исторического опыта, заимствования, имитация, подражание, — подчеркивают профессора В.В. Бойцова, Л.В. Бойцова, — характерные черты правовой эволюции. Оригинальная инновация в праве очень незначительна. Ни одна правовая система не обладает монополией на юридические открытия, а история права каждой нации является определенной стадией в общем, универсальном развитии права» [3].

Более развитые в социально-экономическом отношении страны оказывают идеологическое влияние на менее развитые. В рассматриваемых нами случаях это было объективно обусловлено значительно более низким уровнем социально-экономического, политического и культурного развития указанных стран по сравнению с развитыми буржуазными государствами Западной Европы, прежде всего Англией и Францией, и США, медленным и деформированным развитием

капиталистических отношений в этих странах, а также неотложными задачами государственного строительства.

Условия экономической и политической «периферии», естественно, определили известную отсталость («периферийность») теоретико-правового мышления идеологов и законодателей в этих странах. Заимствованию правовых норм или юридической рецепции (при условии сознательного внедрения, а не путем колонизации) обычно предшествовало восприятие определенной связанной с ними правовой теории, которая, как отмечает В.А. Туманов, «с неизбежностью влекла за собой обращение к юридической науке “страны-поставщика”» [15].

Для Испании, например, такой «страной-поставщиком» правовых идея стала Франция, а для стран Латинской Америки «странами-поставщиками» стали западноевропейские государства, в том числе и Испания, и США.

Следует отметить, что влияние той или иной «страны-поставщика» было неравнозначным на разных этапах становления государственности «стран-получателей». Заимствование передовых норм и элементов буржуазного конституционализма и государственных институтов в ряде случаев осуществлялось без соответствующей переработки, пересмотра и приспособления, то есть были попытки чисто механического переноса иностранных конституционных норм на национальную почву. Это, конечно, не могло автоматически обеспечить их фактическое действие в своеобразных условиях тех стран в переходный период. Это порождало уже на начальном этапе становления конституционализма «стран-получателей» заметный разрыв между конституционными нормами и их практическим осуществлением.

Конечно, во многом облик конституционализма той или иной страны определяется спецификой их исторического развития, эволюцией правовой системы или существенными нововведениями или реформами, а в некоторых случаях и результатом принудительной аккультурации.

Например, правовая система Японии сформировалась под влиянием концепции китайского правопонимания и до середины XIX в. развивалась в русле китайских правовых традиций. В период правления династии Мэйдзи в Японии была проведена масштабная реформа права в сторону его вестернизации, когда под влиянием романо-германского права были приняты конституция, гражданский, уголовный и торговый кодексы и ряд других важных нормативно-правовых документов. После Второй мировой войны японский конституционализм, как и вся правовая система, был перестроен под влиянием и, по сути по образцам, американского права. Новая конституция, разработанная оккупационными властями США, как и другие важнейшие правовые акты, сильно изменили право Японии.

Тем не менее, несмотря на такую правовую аккультурацию и значительные заимствования у романо-германского и американского права, во многих отношениях японцы по-прежнему следуют историческим правовым традициям. Так, японский автор Хасебе Ясуо, отмечая невысокую эффективность конституционного контроля Верховного суда Японии, считает, что это обусловлено тем



обстоятельством, что большинство японских специалистов не воспринимают западную теорию конституционализма с ее защитой фундаментальных прав человека от посягательств со стороны политического большинства, представленного в парламенте [17].

Тем не менее, в отечественной правовой науке, несмотря на примеры устоявшихся и успешно функционирующих «чужих» правовых институтов в других правовых системах, высказываются, на наш взгляд, вполне обоснованные опасения об этом процессе. «Следует заметить, — пишет М.В. Немытина, — что в современном мире, где не утихает борьба за геополитическое влияние, заимствование чужого опыта правового развития, построения правовой системы и правового регулирования может оказаться не таким уж безобидным. В условиях глобализации и международной интеграции любому государству, с одной стороны, нужно суметь воспользоваться плодами правового развития цивилизации, с другой — не растерять ощущение своих национальных интересов, сохранить свои правовые традиции. Потому в современном мире сосуществуют и нарастают, конкурируя между собой, две тенденции: одна связана с глобализацией и международной интеграцией, соответственно с унификацией правовых порядков, другая — со стремлением стран к национальной идентичности, к поддержанию своих исторических сложившихся государственных и правовых институтов и особенностей правовой системы» [12].

В силу этих обстоятельств представляется совершенно справедливым пожелание не идеализировать институты зарубежного и международного права, даже если они формально имеют довольно привлекательные нормативные и юридико-технические очертания, всесторонне их исследовать, оценить социокультурный контекст их настоящего и социокультурные условия существования правовой системы возможной «страны-получателя». Неудачный пример такого заимствования законодательства зарубежных государств можно проиллюстрировать на примере России.

«Применительно к разным сферам правового регулирования, — отмечает М.В. Немытина, — переводятся и используются для построения российского законодательства тексты зарубежных законов, анализируются содержащиеся в них и подлежащие применению в России правовые нормы, институты, юридические конструкции. При этом не всегда понятно, почему при введении в нашей стране одного имеющего зарубежный аналог правового института берется за основу опыт США, другого — Франции, третьего — Германии. Не ясно, чем обусловлены предпочтения, оказанные той или иной стране в смысле заимствования ее правового опыта, влияют ли на этот выбор объективные обстоятельства.

Недостаток переноса “на российскую почву” заимствованных из зарубежного права институтов состоит в переносе в горизонтальном пространстве освоенных нами в большинстве случаев лишь на нормативном уровне юридических институтов. Не анализируются имеющие место в зарубежных странах юридические доктрины. Не доходит дело до освоения сложившейся в зарубежных странах практики применения этих институтов. Не исследуется и та социокультур-

ная среда, в которой эти юридические институты сформировались. Институты могут быть “выхвачены” из другого исторического среза. Не отслеживаются генезис и эволюция, не выявляются экономический и социально-политический контексты функционирования заимствуемых институтов» [12].

Процесс сближения конституционализма разных стран, как в целом процесс сближения правовых систем, носит, по мнению ряда авторов, закономерный характер, обусловленный объективными потребностями развития человечества на современном этапе. «На сегодняшний день, — пишет Хашматулла Бехруз, — ярко выраженные мировые тенденции глобализации неизбежно ведут к взаимодействию, взаимовлиянию национальных правовых систем. Соотношение национальных правовых систем подвижно, оно меняется с учетом задач согласованного правового развития. Его поиск и установление правильного сочетания юридических средств сближения требуют большого умения и постоянных усилий от теоретиков и практиков». Примером такого сближения правовых систем является, по мнению Х. Бехруза, адаптация законодательства Украины, в том числе и конституционного, к законодательству Европейского Союза, направленная на заключение Соглашения об ассоциации между Украиной и ЕС с целью, в конечном итоге, обеспечить интеграцию Украины к общему рынку ЕС [2].

Существенное влияние на формирование новых авторских концепций по научному осмыслению современного конституционализма и других аспектов политической и государственно-правовой действительности различных стран и регионов может оказать использование, наряду с сравнительно-правовым методом, исторического подхода, что позволило бы выявить магистральные тенденции развития политической и правовой системы и важнейших элементов государственного механизма этих стран. Это предопределяет необходимость историко-правовых исследований, посвященных различным этапам и институтам политической и государственно-правовой системы стран, принадлежащих к одной правовой семье или к разным, в частности, их конституционной истории.

Есть еще один аспект в необходимости использования исторического метода в исследовании государственно-правовых проблем. Как подчеркивал английский историк Джон Роберт Сили: «Я твердо держусь того принципа, что история, оставаясь научной в своем методе, должна преследовать практическую цель. Другими словами, она должна не только ознакомить читателя с прошлым, но и выработать его взгляд на настоящее, его представление о будущем» [13].

В этой ситуации именно сравнительно-правовой анализ, компаративистика, компаративистская методология (сравнение, сопоставление, параллелизм, аналогия, интерпретация, реконструкция и т.п.) позволяет, как представляется, раскрыть логику восприятия и ассимиляции политико-правовой и государственно-конституционной мысли Европы и США в теориях и воззрениях национальных лидеров, в конституционных проектах и конституциях, показать, как признанные универсальные политико- и государственно-правовые принципы преломляются через призму истории и правовой культуры той или иной страны или региона.

Многообразие правовых культур ставит собственно компаративистскую проблему выявления критериев их сравнения и сопоставления в контексте определенного «пересечения» общезначимых идей и концепций мировой политико-правовой мысли. Эта «пересеченность» создает более или менее приемлемое основание для коммуникации как возможность диалога правовых культур.

И здесь возникают непростые вопросы. Какие характеристики правовых культур можно считать универсальными? Где границы, разделяющие универсальное и региональное? По каким основаниям они проходят? Необходимо ли уделять должное внимание социальной детерминированности политико-правовой мысли? И т.д.

В силу этого можно ли говорить об автономности политико-правовой мысли и ее независимости от конкретного исторического контекста? Представляется, что именно исторический контекст является одним из решающих факторов для понимания специфики национально-самобытной политико-правовой мысли и, как следствие, государственно-конституционных моделей, возникших на их основе.

В силу вышесказанного, компаративистский подход задает новые ориентиры рассмотрения современного исторического, политико-правового и государственно-конституционного процесса. В ситуации регионального и национального развития конституционализма компаративистская методология подводит к новым историко-государственно-правовым парадигмам. Как тонко подметил профессор Б.Б. Леонтьев: «Кто владеет знаниями, а еще важнее, методами получения новых знаний, тот будет определять в конечном счете структуру всего общества, порядок распределения собственности, стратегию его развития и все остальное» [9].

#### ЛИТЕРАТУРА

- [1] *Алексеева Т.А.* Опыт сравнительно-правового анализа эволюции испанского конституционализма (на примере исследования Конституции 1812 г.) // Методология сравнительно-правовых исследований. Жидковские чтения: Материалы Всероссийской научной конференции. Москва. 30 марта 2012 г. / Под ред. Г.И. Муромцева, М.В. Немытиной. — М.: РУДН, 2013.
- [2] *Бехруз Х.* Сравнительное правоведение: Учебник для вузов. — Одесса-Москва, 2011.
- [3] *Бойцова В.В., Бойцова Л.В.* Сравнительное право: глобальные перспективы XXI века // Российский журнал сравнительного права. — 2002. — № 1 (1).
- [4] *Давид Р., Жоффре-Спинози К.* Основные правовые системы современности / Пер. с фр. В.А. Туманова. — М., 1996.
- [5] *Еремян В.В.* Местное самоуправление и муниципальное управление в Латинской Америке. Исторический опыт генезиса. — М.: «Грамота», 1999.
- [6] *Жидков О.А.* История государства и права стран Латинской Америки. — М.: УДН, 1967.
- [7] *Кареев Н.* Происхождение современного народно-правового государства. — СПб., 1908.
- [8] *Князева Е.Н., Курдюмов С.П.* Основания синергетики. Режимы с обострением, самоорганизация, темпомиры. — СПб., 2002.
- [9] *Леонтьев Б.Б.* Предисловие. Об авторе и творчестве // Птушенко А.В. Правоведение: Для юристов. — М.; Из-во «Ринфо», 2012.

- [10] *Лыков А.Ю.* Мировое государство как будущее международного сообщества. — М.: 2013.
- [11] *Муромцев Г.И.* Культурно-исторический аспект сравнительно-правовых исследований // Методология сравнительно-правовых исследований. Жидковские чтения: Материалы Всероссийской научной конференции. Москва. 30 марта 2012 г. / Под ред. Г.И. Муромцева, М.В. Немытиной. — М.: РУДН, 2013.
- [12] *Немытина М.В.* Пространство сравнительно-правовых исследований // Методология сравнительно-правовых исследований. Жидковские чтения: Материалы Всероссийской научной конференции. Москва. 30 марта 2012 г. / Под ред. Г.И. Муромцева, М.В. Немытиной. — М.: РУДН, 2013.
- [13] *Сили Дж. Р.* Британская империя: Разделяй и властвуй. — М.: Алгоритм, 2013.
- [14] *Супатаев М.А.* Кросс-культурные сравнительные исследования права // Методологические проблемы сравнительного правоведения. Жидковские чтения. Проблемы сравнительного правоведения. Материалы всероссийской научной конференции 27 марта 2009 г. / Под ред. Г.И. Муромцева, М.В. Немытиной. — М.: РУДН. 2009.
- [15] *Туманов В.А.* Буржуазная правовая идеология. — М., 1971.
- [16] *Тили Ч.* Демократия. — М., 2007.
- [17] *Хасебе Я.* Конституционные заимствования и политическая теория // Сравнительное конституционное обозрение. — 2005. — № 4 (53). — С. 81–92.
- [18] *Bunge C.O.* Historia del Derecho Argentino. — Buenos Aires, 1958. — Т. I.
- [19] *Collier D., Levitsky S.* Democracy with Adjectives: Conceptual Research. — Notre Dame, 1996.
- [20] *Levene R.* Historia del Derecho Argentino. — Т. 1–4. — Buenos Aires, 1961. — Т. 2. Historia de las instituciones del derecho político y privado indiano.
- [21] *Murillo Castano G.* Representacion ciudadania y nueva constitucion en Colombia // Nueva Sociedad. — 1999. — № 160. — P. 52–55.
- [22] *Muncilla H. C.F.* Las coreghas dee las» Teorlas de la transicion // Revista de Ciencias Sociaies. — 2002. — Vo1. XIII. — № 3.
- [23] *Pantoja D.M.* La idea de soberania en el constitucionalismo latinoamericano. — Mexico, 1974.
- [24] *Parra P.R.* Historia Politica y Constitucional de Venezuela. — Caracas, 1949.
- [25] *Santillan D.A. de.* Historia institucional argentina. — Bs. As., 1966.
- [26] *Sachica Aponte L.C.* Constitucionalismo Colombiano. Historia Teoria y Realidad del sistema. — Bogota, 1962.
- [27] *Tena Ramirez F.* Derecho constitucional mexicano. — Mexico, 1961.
- [28] *Velez P.* Apologia del Altar y del Trono: En 2 vol. Vol 2. — Madrid, 1818.

## CONSTITUTIONALISM: COMPARATIVE LEGAL ANALYSYS

M.V. Fedorov

The Department of Theory and History of State and Law  
Peoples' Friendship University of Russia  
6, Miklukho-Maklaya st., Moscow, Russia, 117198

The author examines the problems of comparative analysis of the constitutionalism.

**Key words:** constitutionalism, legal system, comparative law, legal famili, comparative legal studies.

## REFERENCES

- [1] Alekseeva T.A. Opyt sravnitel'no-pravovogo analiza evolyutsii ispanского konstitutsionalizma (na primere issledovaniya Konstityutsii 1812 g.) // Metodologiya sravnitel'no-pravovykh issledovaniy. Zhidkovskie chteniya: Materialy Vserossiyskoy nayuchnoy konferentsii. Moskva. 30 marta 2012 g. / Pod red. G.I. Myuromtseva, M.V. Nemytinoy. — M.: RYuDn, 2013.
- [2] Bekhryuz Kh. Sravnitel'noe pravovedenie: Yuchebnik dlya vyuzov. — Odessa-Moskva, 2011.
- [3] Boytsova V.V., Boytsova L.V. Sravnitel'noe pravo: global'nye perspektivy XXI veka // Rossiyskiy zhurnal sravnitel'nogo prava. — 2002. — № 1 (1).
- [4] David R., Zhoffre-Spinozi K. Osnovnye pravovye sistemy sovremennosti / Per. s fr. V.A. Tyumanova. — M., 1996.
- [5] Eremyan V.V. Mestnoe samoyupravlenie i myunitsipal'noe ypravlenie v Latinskoy Ame-rike. Istoricheskiy opyt genezisa. — M.: «Gramota», 1999.
- [6] Zhidkov O.A. Istoriya gosyudarstva i prava stran Latinskoy Ameriki. — M.: YuDN, 1967.
- [7] Kareev N. Proiskhozhdenie sovremennogo narodno-pravovogo gosyudarstva. — SPb., 1908.
- [8] Knyazeva E.N., Kyurdyumov S.P. Osnovaniya sinergetiki. Rezhimy s obostreniem, samoor-ganizatsiya, tempomiry. — SPb., 2002.
- [9] Leont'ev B.B. Predislovie. Ob avtore i tvorchestve // Ptyushenko A.V. Pravovedenie: Dlya yuristov. — M.; Iz-vo «Rinfo», 2012.
- [10] Lykov A.Yu. Mirovoe gosyudarstvo kak byudyushee mezhdynarodnogo soobschestva. — M.: 2013.
- [11] Myuromtsev G.I. Kyul'turno-istoricheskiy aspekt sravnitel'no-pravovykh issledovaniy // Metodologiya sravnitel'no-pravovykh issledovaniy. Zhidkovskie chteniya: Materialy Vserossiyskoy nayuchnoy konferentsii. Moskva. 30 marta 2012 g. / Pod red. G.I. Myuromtseva, M.V. Nemytinoy. — M.: RYuDn, 2013.
- [12] Nemytina M.V. Prostranstvo sravnitel'no-pravovykh issledovaniy // Metodologiya sravnitel'no-pravovykh issledovaniy. Zhidkovskie chteniya: Materialy Vserossiyskoy nayuchnoy konferentsii. Moskva. 30 marta 2012 g. / Pod red. G.I. Myuromtseva, M.V. Nemytinoy. — M.: RYuDn, 2013.
- [13] Sili Dzh. R. Britanskaya imperiya: Razdelyay i vlastvyuy. — M.: Algoritm, 2013.
- [14] Syupataev M.A. Kross-kyul'turnye sravnitel'nye issledovaniya prava // Metodologicheskie problemy sravnitel'nogo pravovedeniya. Zhidkovskie chteniya. Problemy sravnitel'nogo pravovedeniya. Materialy vserossiyskoy nayuchnoy konferentsii 27 marta 2009 g. / Pod red. G.I. Myuromtseva, M.V. Nemytinoy. — M.: RYuDn, 2009.
- [15] Tyumanov V.A. Byurzhuaznaya pravovaya ideologiya. — M., 1971.
- [16] Tili Ch. Demokratiya. — M., 2007.
- [17] Khasebe Ya. Konstityutsionnye zaimstvovaniya i politicheskaya teoriya // Sravnitel'noe konstitutsionnoe obozrenie. — 2005. — № 4 (53). — S. 81–92.
- [18] Bunge C.O. Historia del Derecho Argentino. — Buenos Aires, 1958. — T. I.
- [19] Sollier D., Levitskyu S. Demosgasyu with Adjestives: Sopsertual Rezeagsh. — Notge Dame, 1996.
- [20] Levene R. Historia del Derecho Argentino. — T. 1–4. — Buenos Aires, 1961. — T. 2. Historia de las instituciones del derecho politico y privado indiano.
- [21] Murillo Sastano G. Rergezentacion siudadania y nueva sonstitucion ep Solomdia // Nueva Sociedad. — 1999. — № 160. — R. 52–55.
- [22] Munsilla H. S.F. Las soreghas dee las» Teorlas de la transicion // Revista de Ciencias Sosaiaes. — 2002. — Vo1. XIII. — № 3.

- 
- [23] Pantoja D.M. La idea de soberania en el constitucionalismo latinoamericano. — Mexico, 1974.
- [24] Parra P.R. Historia Politica y Constitucional de Venezuela. — Caracas, 1949.
- [25] Santillan D.A. de. Historia institucional argentina. — Bs. As., 1966.
- [26] Sachica Aponte L.C. Constitucionalismo Colombiano. Historia Teoria y Realidad del sistema. — Bogota, 1962.
- [27] Tena Ramirez F. Derecho constitucional mexicano. — Mexico, 1961.
- [28] Velez P. Apologia del Altar y del Trono: En 2 vol. Vol 2. — Madrid, 1818.